

УДК 124.2+008-027.21

ББК 87.152.46+71.0

C50

16+

*Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН 20 декабря 2018 г.*

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры имени Ибн Сины*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор В. А. Конев
доктор исторических наук, профессор А. Л. Юрганов

Смирнов А. В.

C50 Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А. В. Смирнов. — М.:
ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 216 с.

ISBN 978-5-907041-24-0

В центре внимания — вопрос о логике смыслополагания, объясняющей глубинный механизм сознания и разворачивающейся в системах культуры. Предложено понимание деятельности сознания как эпистемной цепочки — условной линии наращивания сложности когнитивных актов, скрепленной исходной интуицией субъект-предикатного склеивания и имеющей по меньшей мере три значимых уровня: чувственное восприятие, обыденная речь и теоретическое мышление, включая формальное доказательство. Объяснено различие исходных интуиций для субстанциональной логики смыслополагания, развернутой в опыте европейской культуры, и процессуальной, развернутой в опыте арабо-мусульманской культуры. Поставлен вопрос о логике русской культуры. Показано, что сам по себе факт различия логик смыслополагания означает неустранимую исходную множественность разума и исключает оправданность принятия какой-либо культуры, разворачивающую только одну из возможных логик, в качестве общечеловеческой. Альтернативой выступает идея всечеловеческого. Прослежено возникновение и развитие учения о всечеловеческом в русской мысли. Системно рассмотрены концепции классического евразийства.

УДК 124.2+008-027.21

ББК 87.152.46+71.0

ISBN 978-5-907041-24-0

9 785907 041240 >

© Фонд Ибн Сины, 2019
© А. В. Смирнов, 2019
© Институт философии РАН, 2019
© ООО «Садра», 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводные замечания	5
Глава 1. Универсалистский, цивилизационный, логико-смысловой подход к проблемам культуры и рациональности	7
Глава 2. Интуиция, язык, логика. Логика культуры и логика познания. Субстанциальная логика европейской культуры	30
Глава 3. Процессуальная логика арабо-мусульманской культуры	60
Глава 4. Странничество русской интеллигенции. Славянофильство и западничество	92
Глава 5. Н. Я. Данилевский: категория «всечеловеческое» и концепция культурно-исторических типов	116
Глава 6. Ф. М. Достоевский: «всечеловеческое» и всемирная отзывчивость	151
Глава 7. Классическое евразийство: «всечеловеческий» проект цивилизационного развития России	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	210

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эта книга сшивает воедино три слоя вопросов. Первый из них связан с категорией «сознание». Это — старая философская, глубинная эпистемологическая проблематика: как возможно наше сознание, как оно работает, как возникает мысль, рассуждение; что такое истина, что принимается как очевидное и не требующее доказательств. И так далее — иначе говоря, это вопросы, связанные с проблемой сознания и познания. Второй слой — вопросы, имеющие отношение к категории «культура». Что такое культура и цивилизация, сколько в мире культур и цивилизаций, изолированы они друг от друга или они общаются, есть ли между ними какие-то непроходимые перегородки или таких перегородок нет? Наконец, третий слой вопросов связан с понятием «глобализация». Каков смысл этого процесса, который разворачивается сейчас, на наших глазах? Каковы его перспективы и что он означает для мироустройства и для судеб отдельных культур?

Вопросы, относящиеся к этим трем слоям, весьма и весьма различны. Однако я постараюсь показать, что ответы на одни из них определяют подход к другим в том порядке, в котором они были названы. Иначе говоря, разные стратегии познания, или разные типы сознания, определяют типологию культур — «лицо» крупных культурных ареалов в современном мире, а сам факт наличия подобных крупных, эпистемно-определенных ареалов культур требует иного подхода к выстраиванию международных отношений, чем тот, который мы наблюдаем сейчас.

Книга написана на основе одноименного курса лекций, прочитанного 16–20 апреля 2018 г. в Школе философии Пекинского педагогического университета. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность руководству университета и Школы философии за приглашение

и оказанное гостеприимство. Моя особая благодарность — профессору Чжан Байчуну, знатоку русской философии и культуры, за идею и организацию этого цикла лекций и их перевод на китайский язык. Я рад возможности поблагодарить всех моих друзей и коллег из Института философии РАН и российских университетов за заинтересованное обсуждение рукописи этой книги и ценные замечания.

А. В. Смирнов

Глава 1

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ, ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРЫ И РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Начнем с самых последних событий, свидетелями которых мы являемся. Мы знаем, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, вокруг Сирии. Мы знаем, в какой ситуации находится Россия — не только сейчас, но и последние несколько лет, когда она ощущает на себе всё усиливающееся давление со стороны стран Запада.

Есть такая книга — «Охота на снарка», которую Льюис Кэрролл, замечательный английский математик, опубликовал через несколько лет после своих шедевров «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Снарк — вымышленное, никем не виденное существо, и тем не менее — существо, на которое открыта охота. Кэрролл — очень ироничный и остроумный автор. Он любил детей и писал для них. Но в его адресованных детям поэмах много иронии и не меньше мудрости. Эта история — об охоте на снарка. Снарк не существует. Однако охотники уверены, что он есть. Более того, им известны точные признаки снарка, и они знают, как его можно поймать. С этой целью они садятся на корабль. Правда, у этого корабля бушприт и руль периодически меняются местами, и корабль плывет то вперед, то назад. У капитана корабля — самая хорошая карта из всех возможных. Ведь все другие уже исписаны: на них моря, острова, проливы — совсем не осталось чистого, незаполненного места. А его карта — совершенно пустая: на ней обозначены только стороны света, а больше ничего. И, наконец, когда ветер наполняет паруса, команда не знает точно, куда именно поплывет корабль, и хотя капитан надеется, что, когда ветер западный, корабль плывет на восток, наверняка этого сказать нельзя.

И вот, на таком корабле, с таким капитаном и с такой картой они всё же приплывают в страну, где думают встретить снарка. Команда сходит на берег, и капитан говорит: *Just a place for the snark* «Вот здесь уж точно водится снарк!». Он говорит это один раз, повторяет второй,

а затем и третий: *Just a place for the snark! I have said it thrice, what I tell you three times is true!* «Здесь точно должен быть снарк! Я трижды это сказал. А что я трижды повторил — то и истинно!»¹.

Если вдруг кто-то не читал эту завораживающую историю, наверняка прочитает. Но я заговорил о ней не для того, чтобы напомнить о замечательном английском писателе. Дело в том, что с точки зрения России сегодняшние международные отношения во многом напоминают эту ситуацию. Не случайно в последнее время российские руководители, и не только они, не раз говорили, что отношения между Россией и Западом сейчас едва ли не хуже, чем во времена холодной войны, — и с этим следует согласиться. Они определенно хуже в том отношении, что исчезла всякая возможность разговора. И с точки зрения России ситуация вокруг нее именно такая, как с капитаном этого корабля: что он сказал трижды, то и истина, и никаких доказательств не требуется. Конечно, это — российская точка зрения, так ситуация видится из России; это — не некая абсолютная точка зрения. Может быть, Россия здесь целиком неправа, а полностью права противоположная сторона. Может быть. Но главное не в этом — не в том, кто прав и кто неправ. Главное в том, что две стороны потеряли возможность разговора, они потеряли общую основу. Они больше не могут отсылать к общим ценностям, к общим представлениям — о добре, зле, об истине, т. е. о чем-то несомненном. Этой несомненной общей почвы нет — она исчезла. Сегодня государства делят на тех, кто «хорошо себя ведет» и кто «плохо себя ведет»; о правах человека, международном праве и тому подобных вещах, которые в период холодной войны были на острие идеологической борьбы Запада против СССР, сегодня вспоминают только тогда, когда это выгодно, и забывают, когда невыгодно. «Закон, что дышло» — эта старая русская поговорка как нельзя более точно описывает то, что дипломаты называют политикой двойных стандартов. И ситуация оказывается точно такой, как у Л. Кэрлла: что я сказал, то и истина, и любые доказательства излишни.

Почему это происходит? Ведь во времена холодной войны противостояли две системы: социалистическая во главе с Советским Союзом — и система мирового капитализма. Было, иначе говоря, идеологическое противостояние. Эти две системы были построены

¹ *Carroll L.* The annotated *Hunting of the snark*. Edited with a preface and notes by Martin Gardner. The definitive edition. NY: W. W. Norton & Company, 2006. P. 15.

на как будто несовместимых принципах — западная демократия и советская политическая система. Совершенно разные общественно-политические системы. Тогда была западная рыночная, капиталистическая экономика, построенная на свободе частной собственности, на капиталистических финансах и т. д., — и была социалистическая экономика, плановая, не рыночная, где не было никакой частной собственности; частная собственность как производительная сила преследовалась в Советском Союзе. Было понятно, что в конце концов одна из этих двух несовместимых систем, ни в чем не сходящихся, должна победить другую, поскольку они не могут сосуществовать. И тем не менее именно в те времена возможность разговора и диалога между Западом и СССР, в целом социалистической системой, существовала. И диалог шел. Было хотя и минимальное, но доверие между сторонами. И было представление о каких-то общих критериях истины: что можно и чего нельзя делать. Почему же сейчас — сейчас, когда уже нет Советского Союза, в России нет коммунистической системы, в России имеется политическая система, которая копирует западную, экономика основана на рыночных принципах, и в этом смысле — в смысле принципов — не отличается от западной, сейчас, когда, казалось бы, исчезли все идеологические барьеры, которые раньше разделяли Россию и Запад, — почему же именно сейчас наблюдается такое отчуждение между этими двумя сторонами, отчуждение гораздо большее, чем во времена холодной войны?

Повторю: я не утверждаю, что Россия права в этом противостоянии с Западом. Может быть, Запад целиком прав, а Россия неправа. Важно не это. Важно, что мы видим полное отчуждение при — кажется — отсутствии каких-либо идеологических оснований. Ведь и экономически, и политически, и даже идейно Россия сейчас не выступает как оппонент Запада, не противопоставляет себя исповедуемым им принципам.

Эта ситуация ненормальная, неестественная. Казалось бы, так не должно быть. И это не только мое мнение. Не так давно министр иностранных дел России С. Лавров высказал ту же мысль. Как же так, сказал он, ведь идеологически между нами и Западом нет никакого противостояния. Почему же тогда НАТО придвигается к границам России?

Обычно это объясняют, указывая на то, что Советский Союз проиграл в холодной войне. Он распался, а значит, считают на Западе, и прежде всего в Соединенных Штатах, и Россия проиграла. Проиграв, она как побежденная сторона должна полностью принять

условия Запада. Но Россия этого не делает, особенно в последнее время. Вместо этого она заявляет о своей самостоятельной позиции по целому ряду принципиальных вопросов. И это касается не только Крыма, а может быть, и вовсе не его. Это касается прежде всего Сирии. Именно решение, которое Россия приняла в сирийском вопросе, было поворотным пунктом и показало, что она больше не согласна подчиняться западной политике. Хотя Крым был раньше, и именно после Крыма были наложены первые санкции, однако в вопросе Крыма в той ситуации и в тот момент позиция России не могла быть иной. Но совершенно иное дело Сирия. Здесь решение отнюдь не было очевидным. Ведь Россия не протестовала против вторжения в Ирак, против агрессии Запада против Ливии, и Россия сейчас не вмешивается в то, что происходит в Йемене. Почему же именно Сирия? Это выглядит неоправданным. И, конечно, Соединенные Штаты раздражены. Это вызывает их неудовольствие — тот факт, что Россия не уступает. Ведь США привыкли безраздельно командовать в мире, и они действительно считают, что после холодной войны для них нет никакого противовеса, никакой оппозиции. — Это всё верно, и если мы вспомним, как в 2003 году, когда США готовились напасть на Ирак и Колин Пауэлл показывал пробирку с белым порошком и говорил: вот оно, химическое оружие Саддама Хусейна, — тогда ему, прямо как капитану корабля, который плыл за снарком, поверили на слово. Поверили только потому, что он так говорил. И поверили не где-нибудь, а в Совбезе ООН. После этого была Ливия: она также была разрушена под надуманным предлогом. Всё это вписывается в общую политику США, которая называется «Большой Ближний Восток» и смысл которой заключается в том, чтобы разрушить политические режимы в тех странах, которые не встраиваются в фарватер американской внешней политики, и создать там хаос. И в самом деле: в Ираке, в Ливии, в Сирии государственность фактически разрушена. В Йемене сейчас происходят страшные вещи. Действительно, на этих огромных пространствах, где когда-то существовали устойчивые и развивающиеся политические режимы, сейчас создан хаос. И, конечно, верно, что Россия в определенный момент вдруг сказала «нет» этой американской политике и противопоставила себя ей в Сирии. Да, она сделала это вдруг. Но вопрос заключается в том, может ли весь этот комплекс причин, который обычно упоминают в качестве объяснения отчуждения между Россией и Западом, на самом деле объяснить глубину этого отчуждения? Хотя, конечно, для США важно проводить определенную линию на Ближнем Востоке,

как и в других частях света, всё же обострение, которое мы сейчас² наблюдаем на Ближнем Востоке, может привести к очень плохим последствиям, вплоть до обмена ядерными ударами, — и разве такое обострение может быть вызвано столь малозначимой вещью, как временная помеха американской внешней политике на Ближнем Востоке со стороны России? Очевидная несоизмеримость явления (временная помеха со стороны России американской внешней политике) и тех последствий, к которым вызванное им столкновение может привести.

Значит, причина не только в этом. И хотя политики обычно объясняют нынешнее обострение именно так: Запад хочет полной капитуляции России, а Россия отказывается капитулировать, — это объяснение слишком легковесное. Оно остается на поверхности политических событий и не объясняет глубину кризиса и глубину отчуждения. Нужно какое-то другое, более глубокое объяснение. Нужно ведь еще объяснить, почему Россия не хочет капитулировать, почему ее не устраивает «счастливая» судьба таких стран, как Англия, Франция, Германия.

В качестве еще одного объяснения выдвигают следующее. Доллар является до сих пор преобладающей мировой валютой. Хотя существует евро, доллар всё равно господствует почти безраздельно в мировой финансовой системе. И если представить себе, чисто теоретически, что доллар вдруг завтра перестанет быть мировой валютой, то понятно, что американская экономика обанкротится. Ни одна страна мира не может позволить себе такой долг, как США, именно потому, что американская валюта является мировой. Значит, для США смертельную опасность представляют любые попытки вытеснить доллар из мировых финансов. И тогда, как говорят, понятно, почему Запад напал на Ливию и ликвидировал Каддафи — потому что Каддафи собирался ввести в Ливии золотой динар, не зависящий от доллара, с золотым обеспечением, а затем распространить эту валюту на всю Африку. И не исключено, что у него что-то и получилось бы в этом направлении.

Это всё верно, и, конечно, Россия периодически говорит о том, что надо вытеснять доллар из торгово-финансовых отношений, переходить на расчеты в национальных валютах. Но всё же будем реалистами: Россия и те страны, которые подверглись американскому нападению на Ближнем Востоке, не могут составить сколько-нибудь

² Написано весной 2018 г.

серьезную конкуренцию и угрозу доллару, просто потому, что экономический вес несопоставим. Конечно, в целом дело идет именно к этому: сначала евро занял определенную часть мировых финансов, сейчас китайский юань начинает забирать определенную их часть, но всё же до того, чтобы доллар перестал быть мировой валютой, еще очень и очень далеко. Поэтому и это объяснение, хотя и ухватывает какие-то факты, всё же не может полностью объяснить ту глубину кризиса в российско-западных отношениях, которую мы наблюдаем.

Должна быть какая-то другая причина, более глубокая, более существенная. Да, можно указать на политическую причину: проигрыш России в холодной войне. На экономическую причину: попытки поставить под сомнение доллар как мировую валюту. Это всё верно, но это всего не объясняет.

Какие же могут быть более глубокие причины? — Культурно-цивилизационные. Причины этого порядка не лежат на поверхности, они спрятаны в глубине. Однако всё, что спрятано в глубине, что составляет сущность, определяет то, что появляется на поверхности. Именно от этого зависит в конечном счете ежедневное бурление событий.

Что такое культурно-цивилизационный пласт? Возьмем другой пример. Сейчас все говорят об «исламском терроризме». Всем известно, что такое ИГ³ и что с ним связано. Как ему противодействовать? Американская армия и ее союзники, российская армия и ее союзники, две сильнейшие армии мира в течение нескольких лет борются — против кого? Против тех, кто не имеет ни современной авиации, ни спутникового оружия, ни современных ракет. Но ведь никто не может победить ИГ, несмотря на всё это, вот уже несколько лет! И только двурушничеством США или Турции в этом вопросе дело не объясняется: эти страны поддерживают ИГ и другие подобные организации именно потому, что те имеют шансы на успех. Да, ИГ сжалось, потеряло много земель, и не раз американцы заявляли, что они их победили, русские заявляли, что они их победили — но они всё время откуда-то берутся, вновь и вновь. Почему? Что сообщает нам официальная западная позиция и официальная российская позиция (в этом вопросе они не расходятся)? Что ИГ — это варвары. Они не цивилизованные люди, и с ними разговор короткий — их надо уничтожать. И в самом деле, то, что творится на землях ИГ, не назовешь иначе, чем варварством. Это — страшные вещи. Но вопрос вот в чем: если они творят такие страшные вещи, бесчеловечное варварство, почему же

³ Организация, запрещенная в РФ.

они до сих пор, видимо, пользуются какой-то поддержкой? Ведь кто-то или что-то их подпитывает, если эти две огромные армии не могут их победить, если сами иракцы и сирийцы не могут их победить, то как, за счет чего им удастся противостоять всему этому?

С моей точки зрения, когда мы говорим о противодействии терроризму, в том числе исламскому, мы должны выделять как минимум четыре уровня. Первый — силовой (армия и спецслужбы). Второй — политический. Третий — социально-экономический. И четвертый — культурно-цивилизационный. В названном порядке это — движение от явления к сущности: от того, что на поверхности, к тому, что в глубине. Возьмем ту же Сирию. Туда входят войска — западной коалиции, российские войска, которые проводят силовые операции. Это — первый уровень. После этого включается второй уровень — переговорный процесс, который шел сначала в Женеве под эгидой западных стран, а затем в Астане усилиями трех стран — России, Турции, Ирана, вместе с Сирией, конечно. Это — второй уровень. Понятно, что одни силовые операции бессмысленны, если нет второго уровня. Иначе говоря, на первом уровне работать бессмысленно, если мы не включаем политические механизмы. Но дальше следующий, третий уровень — социально-экономический. Ведь ни первый, ни второй уровень — ни силовые, ни политические методы сами по себе не будут окончательным решением. Необходимо, чтобы сирийское правительство начало социально-экономические преобразования. Без этого всё возродится вновь. Это тоже понятно.

Но и это, с моей точки зрения, не будет окончательным и достаточным решением. Ведь социально-экономическая ситуация в Сирии до начала этих событий была достаточно хорошей, спокойной, и те, кто бывал в этой стране — а я бывал там много раз — могут это засвидетельствовать. Да, конечно, там были свои проблемы, как и везде, кто-то был недоволен. Это всё верно — но это не может объяснить того, что начало происходить потом. Почему в этой стране — современной, цивилизованной, открытой, добродушной, такой взрыв насилия — это остается непонятным.

Для того, чтобы понять, почему это произошло, как это стало возможным и почему это продолжается, нам надо обратиться к последнему, четвертому, культурно-цивилизационному уровню. И здесь нет простых и коротких объяснений — объяснений в краткой перспективе. Обычно ведь говорят так: Советский Союз вошел в Афганистан в 1979 г., и США, чтобы бороться с ним, создали аль-Каиду — так возникла эта террористическая организация. Сейчас США в Сирии

поддерживают террористические организации для того, чтобы сбросить режим Асада. Опять всё объяснение замыкается на втором или первом уровне — на уровне политических игр или военных операций.

Это всё, может быть, и так, всё это может быть правдой. Но не в этом, с моей точки зрения, дело. Давайте посмотрим на это несколько шире. XX век, когда арабские, исламские страны в целом освободились от колониальной зависимости, был веком, когда все они решили примерить на себя западные цивилизационные модели. Одни из этих стран следовали по пути капитализма, другие шли по пути социалистической ориентации (когда-то эти выражения были на слуху), но в любом случае все эти модели были привнесены с Запада, это не был их собственный цивилизационный проект. И вот, начиная с 70–80-х годов прошлого века, начался процесс мощного и повсеместного роста исламского сознания (*сахва исләмийя* — «исламская чуткость», «исламское сознание»). Мы видим желание, проявляющее себя на уровне массовой психологии, — часто неосознанное, стихийное, но массовое — вернуться к собственным моделям жизненного устройства, вернуть исламский образ жизни. Этот процесс, набравший уже большую инерцию, невозможно объяснить ни политически, ни социально-экономическими причинами. В его основе — причины культурно-цивилизационные.

Обратимся к истории. С момента возникновения ислама и вплоть до 20-х годов XX в. исламское политическое устройство было одним и тем же — это был халифат. Реформами Ататюрка в Турции в 1924 г. после поражения Османской империи в I мировой войне халифат был ликвидирован. А в 1925 г. увидела свет книга ‘Али ‘Абд ар-Рāзика «Ислам и основы правления»⁴. Это было первое теоретическое произведение в исламском мире, в котором провозглашались принципы светской организации общества в исламских странах. Не менее интересно, что ‘Абд ар-Рāзик является представителем каирского ал-Азхара — главного университета, который готовит факихов (исламских юристов). Именно его устами было провозглашено то, что попросту непредставимо в контексте классической исламской мысли — секуляризация, светский характер общества, иначе говоря, сугубо западная

⁴ ‘Абд ар-Рāзик, ‘Али. Ал-Ислам ва ‘уṣул ал-хукм. Бахс фī ал-хилāфа ва-л-хукūма фī ал-ислām (Ислам и основы правления. Исследование вопроса о халифате и правлении в исламе). 2-е изд. Миṣр, 1925. Рус. пер. отрывка: Абдарразик Али. Ислам и принципы правления / Пер. Н. В. Ефремовой // История философии. Т. 20. № 2. М.: ИФРАН, 2015. С. 148–165.

модель. ‘Абд ар-Рāзиқ утверждал, что ни халифат, ни судейство, ни руководство возведением городов и обустройством границ государства, ни армейское командование — вообще никакие «функции правления и государственные компетенции» (*вазā ’иф ал-хукм ва марāкиз ад-дав-ла*) не входят в сферу исламской религии:

Она не имеет к этому никакого отношения, не признавала и не отрицала этого, не приказывала и не воспрещала заниматься этим, оставив это на наше усмотрение, дабы мы руководствовались в этом разумом, опытом народов и правилами политики⁵.

Сегодня эту книгу и ее автора превозносят за то, что он был первым, кто провозгласил принципы светского общества в исламе, или, как сейчас говорят, «культурного ислама», т. е. ислама, который не играет политической роли, а выполняет исключительно культурно-духовную функцию. При этом забывают, что вскоре после выхода книги ‘Абд ар-Рāзиқ и в качестве своеобразного ответа на нее появилась организация «Братья-мусульмане», были опубликованы сочинения Хасана ал-Баннā, ее главного идеолога, и в течение пары десятков лет вышли в свет многие другие книги, которые сегодня считаются классикой т. н. «политического ислама». С этого момента «политический ислам», т. е. использование религии в целях изменения политического устройства общества, набирает силу и мощь. И хотя организация «Братья-мусульмане» была запрещена в Египте, а ее руководители посажены в тюрьму, справиться с политическим исламом не удалось. Еще в середине XX в., да и в 70-е годы многие арабские интеллектуалы писали, что «Братья-мусульмане», исламизм, исламское сознание — всё это в прошлом; мы идем вперед, по пути цивилизации, утверждали они, а это всё осталось позади. Но жизнь доказала, что всё это не в прошлом. Исламское сознание в массовом порядке возвращается в исламские страны.

Этот период — почти сто лет, начиная с реформ Мустафы Кемāля Ататюрка в 20-е годы прошлого века и до настоящего времени — можно рассматривать как гигантский эксперимент, который был поставлен в исламском мире. Поставлен самими мусульманами. Его суть заключалась в том, что они попытались отбросить исламское наследие и полностью переключиться на западную цивилизационную

⁵ ‘Абд ар-Рāзиқ, *‘Али*. Ал-Ислām ва ’усӯл ал-хукм. Бахс фӣ ал-хилāфа ва-л-хукӯма фӣ ал-ислām (Ислам и основы правления. Исследование вопроса о халифате и правительстве в исламе). МиҶр, 1925. С. 103.